

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

С.Н. Колесова

Новосибирский государственный педагогический университет

Элегия К.Н. Батюшкова «Дружество» и ее контекст

В литературоведческих работах о творчестве К.Н. Батюшкова можно встретить отдельные точные замечания об элегии «Дружество», однако ее развернутого анализа до сих пор нет. В настоящей статье мы попытаемся восполнить этот пробел.

Одной из важнейших задач нашей работы является рассмотрение жанровой специфики батюшковского «Дружества». Это стихотворение носит экспериментальный характер, как и ряд других текстов, вошедших в раздел элегий «Опытов в стихах и прозе» (1817). Батюшков вносит разнообразие в элегию в пределах ее жанровых границ, насыщает одическими («Надежда») и анакреонтическими («Веселый час», «Выздоровление») мотивами, тогда как традиционно элегия не предполагала выход героя из состояния уныния и закрепляла это состояние как жанровую доминанту.

Анализ «Дружества» будет неполон без рассмотрения контекста этого стихотворения, без соотнесения стихотворения с другими произведениями поэта. Так, И.Л. Альми пишет о «Дружестве», помещенном в «Опытах...» непосредственно перед элегией «Тень друга», как о своеобразном введении к последней. По мнению литературоведа, эти стихотворения «являют собой как бы две ступени движения поэтической мысли, два способа ее подачи: нормативно-обобщенный и лично-единичный» [Альми, 2002, с. 128-129].

«Дружество» представляет собой вольный перевод X идиллии древнегреческого буколического поэта Биона (II в. до н.э.). Это стихотворение о дружбе было популярно в русской литературе начала XIX в. До Батюшкова стихотворные версии этой же идиллии публиковали П.А. Катенин («Дружба. Вионова идиллия», 1810)¹ и Н.Ф. Кошанский («Кто счастлив?», 1811) [Кошанский, 1811, с. 284]. В своих комментариях к «Дружеству» И.А. Пильщиков указывает, что Батюшков, не знавший греческого языка, пользовался также при создании своего перевода пояснительными примечаниями Н.Ф. Кошанского к оригинальному тексту Биона [Кошанский, 1811, с. 108-111]. А в монографии «Батюшков и литература Италии: филологические разыскания» он отмечает, что К.Н. Батюшков подобно другим поэтам-переводчикам рубежа XVIII – XIX вв., воспроизводил, как правило, не собственно оригинал, а «некоторый «макротекст», включающий в себя оригинал и переводы-посредники» [Пильщиков, 2003, с. 34, 41]. Таким образом, своеобразие батюшковского перевода (исходя из вышесказанного, точнее было бы говорить о подражании) можно показать сопоставлением с другими переводами.

Русская литература XVIII – начала XIX вв. творилась переводами. Переводы являлись одним из способов создания русской поэтической словесности, фор-

---

¹ Известны две редакции вольного перевода П.А. Катенина X идиллии Биона. Первая журнальная редакция стихотворения под заглавием «Дружба» относится к 1810 г. [Катенин, 1810, с. 368]. Окончательная редакция под заглавием «Идиллия. Из Биона» подготовлена в конце 1820-х годов (1809, конец 1820-х годов).

мирования системы языковой выразительности. В те годы заимствования считались завоеваниями, их не стыдились, ими даже гордились. Например, К.Н. Батюшков пишет в письме к Н.И. Гнедичу: «Посылаю тебе, мой друг, маленькую пьеску, которую взял у Парни, т.е. завоевал» (речь идет о стихотворении «Привидение») [Батюшков, 1989, т. 2, с. 122]. В статье мы сравниваем переводы Батюшкова, Катенина и Кошанского как произведения русской культуры, однако в ряде случаев предполагается обращение к подстрочному переводу идиллии Биона. Кроме того, мы ориентировались на новейший перевод XX в. М.Е. Грабарь-Пасек, в котором смысл подлинника выявлен с достаточной ясностью.

Жанровая природа стихотворения К.Н. Батюшкова «Дружество»

Написано стихотворение «Дружество» в 1811 – начале 1812 г., впервые напечатано в «Санкт-Петербургском вестнике» (1812. № 2). Вот его полный текст:

- (1) Блажен, кто друга здесь по сердцу обретает,
  - (2) Кто любит и любим чувствительной душой!
  - (3) Тезей на берегах Коцита не страдает,
  - (4) С ним друг его души, с ним верный Пирифой,
  - (5) Атридов сын в цепях, но зависти достоин!
  - (6) С ним друг его Пилад... под лезвием мечей.
  - (7) А ты, младый Ахилл, великодушный воин,
  - (8) Бессмертный образец героев и друзей!
  - (9) Ты дружбою велик, ты ей дышал одною!
  - (10) И, друга смерть отмстив бестрепетной рукою,
  - (11) Счастлив! Ты мертв упал на гибельный трофей!
- [Батюшков, 1989, т. 1, с. 179]

В «Опытах в стихах и прозе» К.Н. Батюшков поместил «Дружество» в отдел элегий, обозначив, таким образом, жанровую принадлежность текста. Хотя понятие элегии не получило ясного определения в литературных дебатах 1810 – 1820 гг., но современники поэта соглашались с тем, что этот жанр предназначен для выражения «смешанного чувства» [Греч, 1820, с. 184; Рассуждения об элегии, 1814, с. 220-221].

Стихотворение Батюшкова тематически близко к элегической традиции, входящей к античности. В.Е. Хализев пишет о том, что античной элегии «был присущ весьма широкий круг тем и мотивов (прославление доблестных воинов, философские размышления, любовь, нравоучение)» [Хализев, 2002, с. 358]. Кроме того, с антологической традицией, по мнению С.А. Кибальника, стихотворение «Дружество» сближает небольшой размер, некоторая фрагментарность и обильные мифологические параллели [Кибальник, 1990, с. 68]. «Антологическими» также, с его точки зрения, могут быть названы такие элегии К.Н. Батюшкова, как «Судьба Одиссея» (1814), «Мой гений» (1815), «Пробуждение» (1815) и целый ряд других произведений. О размывании границ между элегией и эпиграммой в поэзии 20-х гг. XIX в. писал А. Галич в эстетическом трактате «Опыт науки изящного» (1825): «Элегия как тоскливое или веселое пение, возбужденное воспоминанием, относится своей поэзией к былым или минувшим страдательным состояниям души, которые охладели теперь до того, что мы можем уже представлять себе оные в мыслях, не чувствуя потрясений... Где же чувство удерживается в сознании до того, что стихотворец дает об нем одно только суждение, там элегия переходит в лирический момент души, кратко и сильно ею выражаемый, то есть в эпиграмму, которая потому может принимать все формы...» [Галич, 1974, с. 262].

Как мы уже отмечали, «Дружество» является вольным переводом X идиллии буколического поэта Биона. Однако и в античности, и в трактатах Нового времени

идиллиями назывались совершенно разные по содержанию стихотворения. Например, П. Георгиевский в «Руководстве к изучению русской словесности» (1836) относит буколическую поэзию (эклогу, идиллию) к «смешанной поэзии», заключающей стихотворения «по содержанию своему относящиеся к разным из... четырех главных видов» поэзии: лирической, дидактической, драматической и эпической. «И потому, – пишет П. Георгиевский, – эклога может иметь вид песни, оды, элегии». Далее критик так определяет буколическую поэзию: «Пастушеская поэзия, или буколическая, есть подражание сельской жизни, представленное со всевозможными приятностями. Сюда относятся эклога и идиллия, имеющие ту разность, что *эклога требует действия* (здесь и далее курсив наш. – С.К.), где вводятся говорящие лица, песни пастухов, спор в игре на свирели, ловля рыб и т.д., а *идиллия довольствуется изливанием одних сердечных чувствований*, нежностью и рассказом о красотах природы... Не просто описываются сельские нравы или происшествия, но *изображается состояние счастливейшее, каким люди наслаждались в золотом веке...*» [Георгиевский, 1836, с. 26, 144, 141-142].

Исследователи отмечают, для лирики К.Н. Батюшкова характерны мотивы, связанные с жанровым составом идиллии. В европейской культуре начала XIX в. складывалось новое представление об этом жанре. Так, С.Ю. Баранов указывает, что благодаря сентименталистам произошло сближение понятий «идиллия» и «идеал» [Баранов, 1990, с. 61]. В истолковании Ф. Шиллера главная цель идиллии в ее подлинном виде – выразить состояние души, раздвоенной, разделенной между идеалом и действительностью [Шиллер, 1957, с. 440-441]. «Элегическая стихия, – отмечает С.Ю. Баранов, – в творчестве Батюшкова... присутствует, ...как повод к эстетической реализации идеала... Идиллический пафос у Батюшкова утверждается через преодоление элегической стихии» [Баранов, 1990, с. 61]. По словам О.А. Проскурина, идиллический мир требовался Батюшкову «как фон, как значимый компонент особого типа элегии. Это элегия, строящаяся на контрасте гармонического патриархального бытия и волею обстоятельств отчужденного от него индивидуума» [Проскурин, 1995-1996, с. 84].

На наш взгляд, батюшковское «Дружество» является произведением синкретического жанра. Тема дружбы – элегическая. Но половина стихов посвящена героизму Ахилла. Это одическая струя в тексте. Жанровая комбинированность находит выражение и на лексико-стилистическом и на синтаксическом уровнях художественной структуры текста. Риторические восклицания, четырехкратный повтор «**ты**», обособленные приложения при нем (см. 7 – 11 стихи) – это все особенности синтаксиса высокого одического стиля. Напряженной эмоциональности синтаксиса соответствует высокая книжно-славянская лексика: «**младый**» (здесь и далее выделено нами. – С.К.) Ахилл» (фонеморфологический славянизм), высокую стилистическую маркировку имеют слова «**дружество**», «**бестрепетной рукой**» (ср.: «бестрепетной стопой сходил в Аида мраки» Одиссей в батюшковской «Судьбе Одиссея») и т.д. Речевые средства, которые приписывались высоким жанрам русской поэзии, здесь направлены на прославление идеальных героев античности.

С другой стороны, этому стихотворению свойственен элегический тон, проявляющийся, прежде всего, на лексическом уровне. См. сентиментально-элегического лексикону и фразеологию: «*друг его души*», «*любим чувствительной*» (одно из ключевых слов для карамзинистов) *душой*», «*Ты дружбою велик, ты ей дышал одною!*»

Таким образом, можно говорить о том, что стихотворение К.Н. Батюшкова «Дружество» – это и гимн дружбе, и элегическая тоска по тем гармонически-идиллическим временам, когда дружеские узы были святы. Если попытаться дать жанровое определение батюшковскому «Дружеству», то оно могло бы звучать

следующим образом: «антологическая» элегическая ода или «антологическая» одическая элегия.

Художественная структура батюшковского «Дружества»

Элегия «Дружество» состоит из 11 стихов (в оригинале и в переводе М.Е. Грабарь-Пассек [Феокрит и др., 1993, с. 179] стихотворение занимает 7 стихов) и построено по принципу двух антиномий. Первые два стиха – философская посылка, остальные девять стихов – ее реализация, подтверждение. Это первая антиномия. Вторая – это земная и потусторонняя жизнь. В послылке первый, главный стих, уточняется во втором. Далее следуют иллюстрации, подтверждающие заданный в начале текста тезис. Девять стихов делятся на три части, изображая дружбу трех пар друзей, хорошо известных всем знакомым с античной мифологией и литературой: Тезея и Пирифоя, Ореста и Пилада, Ахилла и Патрокла.

Как отмечает М.Е. Грабарь-Пассек, «тема тесной дружбы между товарищами по оружию была одной из излюбленных тем эпиграмм, декламаций и т.п. античной поэзии» [Феокрит и др., 1993, с. 321]. В античности дружеские взаимоотношения часто ставились выше фактического родства. Таким примером является воинская дружба Ахилла и Патрокла – величайших героев Троянской войны.

Перечисление бессмертных дружеских пар подчинено принципу градации. Эти пары, с точки зрения К.Н. Батюшкова, не равновелики: двум первым парам посвящено по 2 стиха, третьей – 5 стихов. Вернее, в 7 – 11 стихах идет речь об Ахилле, воспевается он и его отношение к Патроклу. Это обнаруживается, во-первых, в прямых оценках: *великодушный* воин, *бессмертный* образец героев и друзей, ты дружбою *велик* и пр. Во-вторых, приближением Ахилла к лирическому герою с помощью перехода от третьего лица ко второму (см. четырехкратный повтор «ты» в 7 – 11 стихах). Кроме того, звуковой рисунок этих строк передает сочетание в характере Ахилла чувствительности души и твердости духа. См., как наряду с музыкой плавных [л] и мягких [н] и [м] отчетливо прорывается звук [р], повторяющийся в восьмом и десятом стихах по четыре раза.

Батюшковское «Дружество» начинается живым, ораторским движением:

Блажен, кто друга здесь по сердцу обретает,
Кто любит и любим чувствительной душой!

В оригинале тезис занимает одну строку: «**Ὀλβιοὶ οἱ φίλωντες, ἐπὶν ἰσον ἀντισταύοντα**». Сравним разные варианты перевода посылки русскими поэтами-переводчиками. Первый вариант П.А. Катенина: «Сколь **счастлив** человек, коль дружество он знает, // Коль друга любит он и другом он любим!» Окончательный вариант П.А. Катенина: «**Блажен** меж смертными, **кто** любит друга; вдвое // **Блаженнее**, когда взаимно он любим...». Перевод Н.Ф. Кошанского: «**Блажен, кто** обладал любовью взаимной...» Ср. перевод посылки Х идиллии М.Е. Грабарь-Пассек, стремившейся добиться в переводе максимальной точности: «**Счастливы** все **те, кто** любит, коль равною мерой любимы».

Любопытно отметить, что в первоначальном журнальном варианте Катенин (как и в новейшем переводе XX в. М.Е. Грабарь-Пассек) переводит греческое слово «**Ὀλβιοὶ**» как «счастлив», а в окончательной редакции изменяет на «блажен». По-древнегречески слово «**Ὀλβιος**» значит *счастливый, богатый*, а слово «**μακαριος**» переводится как *блаженный, счастливый*. В псалмах, текстах Нового Завета, например, Евангелии от Матфея на древнегреческом языке встречается именно «**μακαριος**»: «**Μακαριοὶ οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι**» (Блаженны нищие духом. – Мф. 5, 3).

В оформлении посылки слово «*блажен*» выражает более глубокое удовлетворение и имеет яркую высокую стилистическую окраску, знакомую всем не

только пишущим, но и говорящим на русском языке, у которых на слуху девять евангельских блаженств. Девять заповедей блаженства учат тому, как можно достигнуть христианского совершенства или святости, то есть высшей степени счастья. Так, например, в «Блаженствах» (Мф. 5, 3-12) говорится: ««Блжени плачущи: "kw т³и оутшатс#... Блжени милостивци, "kw т³и помилованы будить» и т.д.

Можно говорить о том, что в батюшковском переводе посылки X идиллии Биона на русский язык, сказалось влияние языка церковных книг, традиций псалмодической лирики («духовных» од) XVIII века. См., например, начало «Переложения псалма 1» М.В. Ломоносова:

Блажен, кто к злым в совет не ходит,
Не хочет грешным вслед вступать,
И с тем, кто в пагубу приводит,
В согласных мыслях заседать
[Ломоносов, 2000, с. 36].

Афористическая формула светского блаженства несколько другая, и она формировалась в русской литературе в XVIII – первой трети XIX в. Такого рода формулы можно встретить у Г.Р. Державина, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева и др. поэтов. На этот процесс, несомненно, повлияло и батюшковское творчество. Смотри у Державина: «**Блажен, кто** менее зависит от людей, // Свободен от долгов и от хлопот приказных, // Не ищет при дворе ни злата, ни честей // И чужд сует разнообразных!» («Евгению. Жизнь званская» (1807) [Державин, 1958, с. 261]. У Грибоедова: «**Блажен, кто** верует, тепло ему на свете» («Горе от ума» (1824), д. I, явл. 7, слова Чацкого). У Пушкина: «**Блажен, кто** с молоду был молод, // **Блажен кто** вовремя созрел...» («Евгений Онегин» (1832), гл. 8, строфа 10). У Тютчева: «**Счастлив, кто** посетил сей мир // В его минуты роковые!» («Цицерон» (1830)) [Тютчев, 1994, с. 19]. Исследователи творчества Ф.И. Тютчева указывают, что в первопечатном тексте вторая строфа стихотворения «Цицерон» начиналась со слова «**блажен**» [Кнабе, 1990, с. 276-277].

Через годы на батюшковские стихи откликнется В.К. Кюхельбекер в стихотворении «19 октября 1837 года» (написано 19 октября 1838), посвященном Лицейской годовщине. Кюхельбекер скорбит об ушедших друзьях: Дельвиге, Пушкине... См. в первой строфе:

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
В середине поприща побед и славы,
Исполненный несокрушимых сил!
Блажен! Лицо его, всегда младое,
Сиянием бессмертия горя,
Блестит, как солнце вечно золотое,
Как первая эдемская заря
[Кюхельбекер, 1967, с. 295-296].

Батюшковский текст далек от идиллического спокойствия, свойственного ритмико-интонационному строю подлинника и других переводов X идиллии Биона. «Дружество» лишено и следа повествовательности и представляет собой цепь восклицательных предложений (исключение составляет шестой стих). Ср.: у Н.Ф. Кошанского одно восклицательное предложение, во втором переводе П.А. Катенина восклицательную интонацию имеет только первое предложение – посылка. Батюшковскому подражанию X идиллии Биона свойственны экспрессия

и драматизм лирической речи. Выбор слов, их группировка, синтаксис – все окрашено экспрессией. Эмоциональное отношение поэта к предмету повествования, к героям и их поступкам выражается в повышенной экспрессивной пульсации речи: в перерывах, в восклицательных предложениях, в анафорической повторяемости слов и целых словосочетаний: местоимения «ты», «с ним друг его».

Следует заметить, что К.Н. Батюшков привносит такие детали в сюжет стихотворения, которые усиливают драматизм изображения:

5) Атридов сын в цепях, но зависти достоин!

6) С ним друг его Пилад... под лезвием мечей.

В подлиннике, в первом переводе П.А. Катенина, переводах Н.Ф. Кошанского, М.Е. Грабарь-Пассек речь идет о том, что Пилад был спутником Ореста в его скитаниях на чужбине. Батюшков же выбирает для описания самый критический момент. Пилад и Орест чудом избежали жертвенного алтаря с «огнем и мечом для освящения жертвы», когда пытались вывезти из Тавриды в Грецию деревянный кумир богини Артемиды. Все закончилось благополучно только благодаря тому, что жрицей храма Артемиды оказалась Ифигения – сестра Ореста [Эврипид, 1969, с. 484].

Присоединительно-заключительный аккорд лирической пьесы является композиционно-смысловой вершиной произведения:

И, друга смерть отмстив бестрепетной рукою,
Счастлив! Ты мертв упал на гибельный трофей!

Функция присоединительных сочетаний – создавать эмоциональное напряжение. Острота присоединения усилена синтаксическим переносом, инверсированным порядком слов. В последней строке экспрессивное напряжение достигает наивысшего выражения. Последний стих возвращает нас к началу стихотворения (композиционное кольцо) и представляет собой оксюморонное сочетание: ты мертв упал и счастлив (или будучи счастлив, ты мертв упал).

Н.Ф. Кошанский отмечал, что соответствующее место греческого оригинала («*Ἦν μακάριον Αἰαχίδας ἐταρῶ ζῶοντος Ἀχιλλεύς, // Ὀλβίος ἦν θνασκῶν, ὅτι οἱ μὲν αἰὼν ἀμύνεν*») «различным образом перевести можно: или *блажен был умирающий Патрокл, ибо отклонил смерть от Ахиллеса*; потому что он, в доспехах Ахиллесовых, убит Гектором, который счел его Ахиллесом. Или *блажен был умирающий Ахиллес, потому что скончался, отмстив за гибель Патрокла*; и, кажется, правила Синтаксиса требуют перевести таким образом: *но мне лучше нравится следующая мысль: счастлив был Патрокл умирая, ибо смерть его отмщена Ахиллесом*» [Кошанский, 1811, с. 110]. К.Н. Батюшков же выбрал другую интерпретацию. И дело здесь не только в правилах синтаксиса.

В своей речи в диалоге Платона «Пир» Федр приводит в пример поступок Ахилла как образец самоотверженности в любви и дружбе. Ахилл узнал от Фетиды, своей матери, что умрет, если убьет Гектора, а если не убьет, то вернется домой и доживет до старости. Ахилл предпочел отмстить за Патрокла и принять смерть не только за него, но и вслед за ним. За то, что Ахилл был так предан влюбленному в него, безмерно восхищенные боги почтили его, послав на Острова блаженных. В диалоге Платона «Пир» читаем: «...Высоко цена добродетель в любви, боги больше восхищаются, и дивятся, и благодетельствуют в том случае, когда любимый предан влюбленному, чем когда влюбленный предан предмету своей любви. Ведь любящий божественнее любимого, потому что вдохновлен богом». Федр заканчивая свою речь, утверждает, «что Эрот – самый древний, самый почтенный и самый могущественный из богов, наиболее способный наделить лю-

дей доблестью и даровать им блаженство при жизни и после смерти» [Платон, 1999, с. 88-89].

В стихотворении К.Н. Батюшкова «Дружество» блаженство в дружбе достигается ценой героической смерти. Дружба дает непреходящее счастье. Имеющий друга на земле будет счастлив и в потустороннем мире. Только все стихотворение в целом раскрывает смысл слова «здесь». Идея выражена с помощью антитезы не на словесном, а на содержательном уровне. Две первые пары друзей вместе проходят испытания «здесь» и «там», Ахилл потеряв друга на земле, обретет его вновь «там». Таким образом, словосочетание «друг души» оказывается не просто условно-поэтическим клише.

Обратимся к стихотворным версиям П.А. Катенина. Как мы отмечали выше, известны две редакции вольного перевода поэтом X идиллии Биона. При их сравнении бросается в глаза превосходство второго варианта вообще и общей посылки в частности. Второй вариант (1820-е гг.) лаконичнее первого (1810 г.): 8 стихов во втором и 10 стихов в первом варианте. На второй катенинский вариант, несомненно, оказал влияние батюшковский перевод (см. 5 – 6 стихи батюшковского стихотворения). У Катенина:

Орест у варваров, меч над главою видя,
На жребий не роптал, Пилада зря с собой...

Этот факт особенно примечателен, так как в литературоведческих работах Катенин называется «извечным противником Батюшкова по вопросам перевода» [Пильщиков, 2003, с. 142].

Батюшков использует оригинал как предлог для выражения собственных переживаний, его «Дружество» в большей мере факт поэзии самого поэта. Стихотворение К.Н. Батюшкова может быть квалифицировано как свободное подражание. Первый вариант П.А. Катенина, перевод Н.Ф. Кошанского и особенно перевод М.Е. Грабарь-Пассек демонстрируют другой принцип: по возможности, максимальной адекватности формы перевода форме оригинала.

«Дружество» в контексте батюшковской лирики

Тема дружбы – одна из важнейших в поэзии Батюшкова. Не случайно, что стихотворный том «Опытов...» открывается поэтическим посвящением «К друзьям» (1817). Каждая строфа батюшковской элегии «Веселый час» (1806-1810) начинается с обращения к друзьям-собеседникам. Лирически-взволнованный разговор с друзьями слышим в «Песне о Гаральде Смелом» (1816) и т.д. В литературоведении отмечается, что всем арзамасцам была присуща апология дружбы [Альми, 2002, с. 128-129], но для Батюшкова «дружбы храм» (см. «Ответ Гнедичу» (1810)) был особенно свят. В письме к П.А. Вяземскому Батюшков пишет: «Одно осталось и пусть останется навеки со мною! Способность любить друзей моих...» [Батюшков, 1989, т. 2, с. 300]. В очерке «Воспоминания о Петине» (1815), посвященном любимому другу И.А. Петину, погибшему под Лейпцигом в 1813 г., Батюшков рассказывает о своем посещении могилы Петина, в которой, по словам поэта, «сокрыто лучшее сокровище моей жизни – дружество» [Батюшков, 1989, т. 1, с. 306]. Поэтому арзамасское прозвище Батюшкова «Ахилл», на наш взгляд, является абсолютным попаданием. В книге «Константин Батюшков. Странствия и страсти» В.А. Кошелев размышляет о том, почему Батюшкову было присвоено такое прозвище: «Может быть, его поименовали так в насмешку за маленький рост, никак не соответствующий облику греческого героя; может быть, усмотрели в этом именовании звуковое соответствие: Ахилл – Ах! Хил!.. – а может быть, потому, что баллада В.А. Жуковского «Ахилл» (1812-1814) более всего нравилась

Батюшкову» [Кошелев, 1987, с. 228]. (Напомним, что арзамасские прозвища были взяты из баллад Жуковского). Однако И.М. Семенко не исключает, что именно батюшковское «Дружество» подсказало Жуковскому замысел его оригинальной баллады «Ахилл» [Батюшков, 1977, с. 540]. В свою очередь, оригинальное произведение В.А. Жуковского – баллада-элегия (по определению И.М. Семенко [Жуковский, 1980, с. 463]) «Ахилл», по нашему мнению, может рассматриваться как претекст батюшковской элегии «Тень друга» (июнь 1814 г.).

В своей статье И.Л. Альми сближает «Тень друга» со стихотворением В.А. Жуковского «9 марта 1823» (написано после 18 марта 1823 г.). Основанием для этого служит, по мнению литературоведа, близость сюжетного рисунка этих произведений. Как указывает исследователь, в том и другом текстах явление призраков «свободно от какой-либо прагматической мотивировки» и они остаются безмолвными. И.Л. Альми, отмечая, что сюжетный центр элегии Батюшкова «явление призрака – мотив в мировой литературе достаточно распространенный», пишет, что «рассказ о видении друга... более свободен от канона, психологически единичен» [Альми, 2002, с. 123-124]. По нашему мнению, в батюшковской «Тени друга» обнаруживается также отчетливая лексическая и мотивная связь с балладой Жуковского «Ахилл». В ней есть эпизод, рассказывающий о видении Ахиллу тени его друга – Патрокла (в стихотворении же Жуковского «9 марта 1823» появляется умершая возлюбленная). У Жуковского в балладе «Ахилл»:

И Патрокл с берегов забвенья
В полуночной тишине
Легкой тенью сновиденья
Прилетал уже ко мне.

Как зефиром дыханье,
Он провеял надо мной;
Мне послышалось призванье,
Сладкий глас души родной;
В нежном взоре скорбь разлуки
И следы минувших слез...
Я простер ко брату руки...
Он во мгле пустой исчез
[Жуковский, 1980, с. 62].

Ср. у Батюшкова:

«...О! молви слово мне! Пускай знакомый звук
Ещё мой жадный слух ласкает,
Пускай рука моя, о, незабвенный друг!
Твою – любовьию сжимает...»
И я летел к нему... Но горный дух исчез
В бездонной синеве безоблачных небес,
Как дым, как метеор, как призрак полуночи,
Исчез, – и сон покинул очи
[Батюшков, 1989, т. 1, с. 181].

Кроме того, перекликаются первые строки текстов. У Батюшкова: «Я берег покидал туманный Альбиона...» Ср. у Жуковского: «Отуманилася Ида // омрачился Илион...». В последней строфе «Ахилла»: Он умолк... в тумане Ида // Отуманен Илион...» Хотя «туманность» – это общее место (топос) элегической поэзии начала XIX века. Таким образом, элегия К.Н. Батюшкова «Тень друга» имеет как биографические, так и литературные корни. Это один из примеров творческого диалога между поэтами. Отметим, что стихи о загробном свидании с другом (о

бессмертия дружбы) восходят к одному из мотивов XXIII песни «Илиады» Гомера, в которой описывается явление Ахиллесу души Патрокла.

Литературоведы отмечают автобиографическую проективность как характерную черту ряда батышковских текстов. Такие герои его лирики как Гаральд Смелый («Песнь Гаральда Смелого» (1816)), Одиссей («Судьба Одиссея» (1814)) в ряде моментов оказываются соотношенными с самим Батышковым. На наш взгляд, ассоциативный контекст «Дружества» (факты переписки и творчества, прежде всего батышковская элегия «Тень друга», баллада Жуковского «Ахилл») позволяют утверждать, что персонаж этого стихотворения – Ахилл также является своеобразной проекцией личности поэта.

Подведем итоги. Анализ «антологической» одической элегии «Дружество» в контексте связанных с этим стихотворением произведений К.Н. Батышкова высвечивает автобиографическую проективность этого текста. Нормативно-обобщенный характер способа подачи поэтической мысли «снимается» в стихотворении эмоциональным отношением поэта к предмету повествования, экспрессией и драматизмом свойственным лирической речи. В заключение отметим, что Батышков не просто взял у Биона эту пьесу, он завоевал ее.

Литература

- Альми И.Л. Стихотворение «Тень друга» в контексте элегической поэзии К.Н. Батышкова // Альми И.Л. О поэзии и прозе. СПб., 2002.
- Баранов С.Ю. Идиллия в творчестве К.Н. Батышкова // Развитие жанров русской лирики конца XVIII – XIX вв.: Межвузовский сборник научных трудов. Куйбышев, 1990.
- Батышков К.Н. Опыты в стихах прозе. М., 1977.
- Батышков К.Н. Сочинения: В 2 т. М., 1989.
- Галич А. Опыт науки изящного // Русские эстетические трактаты первой трети XIX в. М., 1974. Т. 2.
- Георгиевский П. Руководство к изучению русской словесности. СПб., 1836.
- Греч Н. Учебная книга российской словесности. СПб., 1820. Ч. III.
- Державин Г.Р. Стихотворения. М., 1958.
- Жуковский В.А. Сочинения: В 3 т. М., 1980. Т. 2.
- Катенин П.А. Дружба // Цветник. 1810. № 6.
- Катенин П.А. Избранные произведения. М.; Л., 1965.
- Кибальник С.А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX в. Л., 1990.
- Кнабе Г.С. Римская тема в русской культуре и в творчестве Тютчева // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф.И. Тютчева / Под общ. ред. Ю.М. Лотмана. Таллинн, 1990.
- Кошанский Н. Цветы греческой поэзии. М., 1811.
- Кошелев В.А. Константин Батышков. Странствия и страсти. М., 1987.
- Кюхельбекер В.К. Избранные произведения: В 2-х т. М.; Л., 1967.
- Ломоносов М.В. Сочинения. М., 2000.
- Пильщиков И.А. Батышков и литература Италии: филологические разыскания. М., 2003.
- Платон. Пир // Платон. Федон, Пир, Парменид / Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М., 1999.
- Проскурин О.А. Батышков и поэтическая школа Жуковского (Опыт переосмысления проблемы) // Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В.Э. Вацууро. М., 1995 – 1996.
- Рассуждения об элегии. Пер. с фр. П.К-ва// Сын Отечества. 1814. Ч. 18. № 49.
- Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений: В 2 т. М., 1994. Т. 1.
- Феокрит. Моск. Бион. Идиллии и эпиграммы / Пер. и комм. М.Е. Грабарь-Пасек. М., 1993.
- Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник. М., 2002.

Шиллер Ф. О наивной и сентиментальной поэзии // Шиллер Ф. Собрание сочинений: В 7 т. М., 1957. Т. 6.

Эврипид. Ифигения в Тавриде / Пер. И. Анненского // Эврипид. Трагедии: В 2 т. М., 1969. Т. 1.